

Адриана Мэзер

Адриана Мэзер

**СКАЖИ
МНЕ,
КТО
Я**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М97

Серия «Новый психологический триллер»

Adriana Mather

KILLING NOVEMBER

All rights reserved.

Published in the United States by Alfred A. Knopf,
an imprint of Random House Children's Books,
a division of Penguin Random House LLC, New York.

Перевод с английского *М. Прокопьевой*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Мэзер, Адриана.

М97 Скажи мне, кто я / Адриана Мэзер ; [перевод с английского М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Новый психологический триллер).

ISBN 978-5-17-116169-9

Нояمبر, обычная девчонка из провинциального городка Пембрук, неожиданно для самой себя попадает в новую закрытую школу, удаленную от внешнего мира. В Академии Абскондита нет электричества, телефона и интернета, вместо привычных уроков – занятия по метанию ножей, ядам и искусству обмана, а за нарушение незыблемых правил могут бросить в темницу. Здесь придерживаются архаичной системы наказания «око за око», не заводят друзей и не делятся личными секретами. Вопрос только один: какое отношение имеет она к этому странному месту, где готовят будущих наемных убийц и шпионов?

Но времени разобраться во всем попросту нет: убит один из учеников, и подозрения падают на Нояمبر, как на новенькую. Сможет ли она выпутаться из опасной смертельной игры, в которую оказалась втянута, прежде чем будет признана виновной в преступлении... или станет следующей жертвой убийцы?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116169-9

© **Adriana Mather, 2019**
© **Перевод. М. Прокопьева, 2019**
© **Издание на русском языке**
AST Publishers, 2019

*Посвящается моему сыну,
Хакстону Вольфу Мэзеру,
который освещает весь мой мир*

Глава первая

Меня зовут Новембер Эдли, а родилась я в августе. Если верить папе, тем летом в Коннектикуте выдались на редкость холодные ночи, и в день, когда я появилась на свет, клен возле нашего дома вдруг зарделся, как поздней осенью. Отсюда и мое имя. По рассказам папы, листья так ярко полыхали в лучах утреннего солнца, что вся лужайка перед домом казалась объятной пламенем. Еще он полагает, что отчасти этим объясняется моя страстная любовь к лесу. Не уверена, что одно с другим как-то связано, но мне нравится эта история — как напоминание о том времени, когда мир казался безопасным местом и моей семье ничего не угрожало.

Что касается безопасности — в том числе моей, — то больше всего меня сбивает с толку тот факт, что раньше я об этом даже не задумывалась. Папа, некоторое время служивший в ЦРУ, а ныне — финансовый менеджер, часто упрекает меня в излишней доверчивости и при этом всегда так качает головой, как будто ему трудно поверить в наше с ним родство. Я, естественно, напоминаю ему, что в этом на сто процентов виноват только

он, поскольку с самого рождения я жила в одном и том же маленьком городке в окружении одних и тех же дружелюбных людей, от которых опасности не больше, чем от спящих в корзинке котят. Папа возражает: мол, я просто *хочу* верить, что люди по природе своей добры, а такая позиция, хоть и достойна восхищения, но все же мало соотносится с реальностью. Я спрашиваю: разве легче жить, думая, что все вокруг желают тебе зла? Он отвечает, что в умеренной подозрительности есть здравый смысл, поскольку она помогает подготовить себя к любой возможной опасности. Но до сегодняшнего дня все это были лишь теоретические рассуждения. И если честно, даже вчера, когда папа убеждал меня в том, что нашей семье грозит опасность, я отказывалась верить. Нет, я определенно не чувствовала никакой угрозы — до тех пор, пока несколько минут назад не проснулась в этой средневековой... гостиной?

Я хмурюсь. У стены рядом со мной стоит какой-то человек, по виду охранник. Уставившись в одну точку, он демонстративно игнорирует меня, пока я обследую дверь — разглядываю ее, со всей силы пытаюсь сдвинуть чугунную щеколду и даже наваливаюсь плечом на темное деревянное полотно, но все зря. Задыхаясь от напряжения, осматриваю комнату. В камине полыхает огонь, а мебель, обитая бордовым бархатом, наверное, стоит дороже, чем весь мой дом. Окон нет, и выбраться отсюда можно только через дверь.

— Я знаю, вы меня слышите, — обращаюсь я к охраннику, который пока не удостоил меня ответом ни на один из моих вопросов. Одет он во все черное, включая кожаный пояс и налокотники, и его облачение смотрится куда круче костюма римского гладиатора, в котором я в прошлом году ходила на

празднование Хеллоуина. Может, попробовать шелкнуть пальцами у него перед носом? Но он на добрый фут выше меня, а руки с накачанной мускулатурой в обхвате толще моих ног.

Он продолжает молчать.

Пробую зайти с другой стороны.

— Вы в курсе, что я несовершеннолетняя, так? Вы не имеете права держать меня взаперти в этой... Ну, я так понимаю, это мой новый пансион. Но что же это за школа, в которой учеников насильно держат под замком?

Папа предупреждал, что здесь все будет иначе, но как-то с трудом верится в то, что меня против воли должны запирают в комнате без окон.

И тут я слышу, как с другой стороны в замок вставляют ключ. Дверь открывается. Я опускаю руки и разжимаю кулаки. Появляется второй охранник, одетый так же, как первый, и знаком приглашает меня следовать за ним. Я тут же срываюсь с места. На мою беду охранник из комнаты тоже идет с нами, и, вышагивая между ними, я по-прежнему лишена свободы действий.

Охранник впереди снимает с серой каменной стены горящий факел. Осматриваюсь. Электричества нет, сводчатые потолки, тяжелые деревянные двери со щеколдами вместо ручек. Ни за что не поверю, что я все еще в Соединенных Штатах. Это место напоминает мне средневековый ирландский замок, как в документальном фильме, который я однажды смотрела в Интернете. Однако еще труднее верится в то, что папа отправил меня в Европу да еще сумел бы оплатить такое обучение. Мы с ним почти никогда не покидали Пембрук, а уж тем более штат Коннектикут.

Идем дальше, и я замечаю великолепные настенные гобелены с изображением рыцарей, королевских дворов и кровопролитных сражений. А еще здесь тихо, как на кладбище, не слышно ни людских голосов, ни шума проезжающих мимо машин.

В коридоре прохладно, и я натягиваю рукава свитера на замерзшие пальцы. Понятия не имею, куда делись пальто, перчатки и шарф, в которых я летела в самолете. В комнате, где я проснулась, их не было. Мы проходим под аркой и поднимаемся по лестнице с истоптанными, шероховатыми каменными ступенями. Насчитываю две площадки и три пролета, прежде чем мы останавливаемся перед дверью с железными заклепками. Идущий впереди охранник открывает ее, и я чувствую струю теплого воздуха.

Старомодный кабинет напоминает мне мрачную сцену из фильма о Марии, королеве Шотландии. В комнате нет иного источника света, кроме множества свечей в серебряных канделябрах и рожках, закрепленных на каменных стенах. Окна завешены тяжелыми гардинами, в камине полыхает огонь, наполняя воздух ароматом горящих дров.

За столом, который кажется старинным, стоит высокая, худая женщина. Ее каштановые волосы так туго стянуты в высокий пучок, что от одного взгляда на ее прическу у меня начинает болеть голова. Думаю, она одного возраста с папой, но чрезмерно строгий вид делает ее старше.

На лице женщины появляется некое подобие улыбки.

— Добро пожаловать в Академию Абскондити. Я директор Блэквуд. Надеюсь, путешествие было приятным?

У нее такой вид и такой голос, что ей невозможно не подчиняться.

— Я вообще не помню свое путешествие, — отвечаю я и смахиваю пылинки с джинсов. От ее взгляда мне становится не по себе. Обнаружив себя запертой в комнате внизу, я поначалу собиралась закатить скандал, но в такой официальной обстановке это как-то неприлично. — В самолете я потеряла сознание и очнулась на диване в... Честно говоря, не понимаю, как...

— В учительской, — говорит она и указывает на кресло перед столом. Из-под ее черного блейзера проглядывают кокетливые кружева белой блузки. Явный диссонанс, который заставляет меня задуматься о том, какова она на самом деле: холодная и чопорная, но хочет казаться дружелюбной, или же добрая и мягкая, но пытается выглядеть суровой. — Некоторое время ты там спала.

— Меня там заперли, — заявляю я, рассчитывая шокировать ее этим известием, но не тут-то было.

Поворачиваюсь, чтобы взглянуть, что происходит у меня за спиной. Оба охранника все еще в комнате, стоят по обе стороны закрытой двери. Непонятно, зачем они здесь: то ли охраняют директора, то ли стерегут меня, чтобы я не сбежала?.. Скорее всего, и то, и другое.

Блэквуд понимающе кивает, как будто в ответ на мой невысказанный вопрос.

— Охране запрещено разговаривать с учениками. Они могут общаться только с преподавателями и прочим персоналом школы. А теперь, учитывая поздний час, полагаю, стоит обсудить более важные дела. Тебе так не кажется? — Она бросает взгляд на настенные часы из темного металла, похожие на готическую башенку, с оголенными шестеренками.

На часах половина второго, и, судя по пустым коридорам и замечанию о «позднем часе», сейчас, скорее всего, ночь.

— Пойдите... Быть не может... — В растерянности перевожу взгляд с нее на часы и обратно: это что, розыгрыш? Когда мы с папой приехали в аэропорт, было уже за полночь. А заснула я примерно часа через два после этого. — Я что, проспала весь день? Как такое возможно? И почему я не проснулась, когда меня сюда перевозили? Или когда сел самолет?

— Я понимаю, ты сбита с толку. К сожалению, таков побочный эффект, иначе нам не удалось бы доставить тебя сюда без происшествий...

— *Побочный эффект?* — У меня скручивает живот. Пытаюсь найти хоть какое-то объяснение, почему я проспала двадцать четыре часа. — Мне... мне что, наркотик подсыпали? — В голосе прорываются высокие нотки, и я борюсь с нарастающей паникой.

Стараюсь восстановить в памяти, что происходило перед тем, как я отключилась. Последняя ясная картина — я пью в самолете лимонад. Папа, наверное, миллион раз повторял мне, что есть и пить можно только то, что дают проверенные люди, которым я полностью доверяю, и никогда ничего не брать у незнакомых, но отказаться от напитка, предложенного стюардессой, это все равно что отказаться от собственного заказа в ресторане.

Пристально смотрю на Блэквуд, надеюсь понять, что происходит, но ее лицо ничего не выражает. И по ее поведению не скажешь, что она возмущена мыслью о том, что мне могли подсыпать наркотик.

Вскакиваю на ноги. Мне хочется бежать отсюда. Вот только я понятия не имею, где я, разве что догадываюсь, судя по тишине, что нахожусь где-то вдали от какого бы то ни было города.

— Госпожа Блэквуд, можно мне позвонить? Я не уверена, что это... Всего на минутку... — Бросаю взгляд на ее стол — телефона, похоже, здесь нет...

— Увы, нет. Нельзя.

— Видите ли, я не сомневаюсь, что это замечательная школа, но...

Она вскидывает руку, чтобы прервать меня, как будто прекрасно понимает, что я сейчас скажу, но в данный момент не намерена меня успокаивать.

— Прежде чем ты покинешь этот кабинет и поговоришь с кем бы то ни было, тебе следует ознакомиться с установленными здесь правилами и *согласиться* с ними. — Она на мгновение замолкает. — Я также попрошу обращаться ко мне «директор Блэквуд». Мы здесь гордимся нашими традициями.

Я смотрю на нее, в буквальном смысле утратив дар речи. Моя лучшая подруга Эмили подтвердит, что подобное случалось всего раз в жизни.

Блэквуд жестом велит мне сесть.

— Итак, советую тебе успокоиться и слушать внимательно. Сейчас я объясню кое-что из того, что тебя смущает.

Я нехотя сажусь. Папа говорил, что в этой школе мне придется столкнуться со всякими странностями, и, хотя все, что здесь происходит, кажется мне ужасно подозрительным, ему я доверяю. Не стал бы он подвергать меня опасности. Вообще-то я и приехала сюда по его настоянию как раз для того, чтобы укрыться от

опасности. Откидываюсь на спинку старого кожаного кресла и поджимаю под себя ногу.

Заметив мою скрюченную позу, Блэквуд вскидывает брови. Она смотрит на меня сверху вниз и выставляет вперед подбородок, словно надеется силой мысли заставить меня выпрямиться.

— Твое внезапное появление здесь было незапланированным. Обычно мы не принимаем новых учеников в середине учебного года, тем более в середине семестра. — Она выжидательно смотрит на меня.

— Благодарю, что сделали для меня исключение... — начинаю я, вспомнив о хороших манерах, но звучат мои слова как-то неискренне.

Мне не понравилось произнесенное директрисой слово «принимаем» — как будто я поступила сюда на долго. А ведь папа говорил, всего на несколько недель, пока он не разберется с незаконным вторжением в дом к тете Джо. А потом я вернусь домой, в наш сонный Пембрук, и все снова пойдет по-прежнему.

Блэквуд открывает журнал в черной матерчатой обложке и с шелковой ленточкой-закладкой и пробегает глазами страницу.

— Прежде чем я расскажу тебе об Академии Абскондита и ее учениках, ты должна знать, что здесь существуют три незыблемых правила, которые не подлежат обсуждению. Соблюдать их необходимо всегда, и они распространяются не только на учеников, но и на преподавателей. — Она кладет руки поверх страницы. — Правило первое: ты не должна говорить, писать или каким-либо иным способом сообщать что-либо о своей жизни до поступления в школу. Ни о городе, где ты жила, ни о своих родственниках. Нельзя произносить даже свою фамилию или имена

знакомых. Насколько я понимаю, ты очень общительный человек, но я хочу, чтобы ты сразу усвоила: если нарушишь это правило, поставишь под угрозу не только собственную жизнь, но и жизнь своей *семьи*.

Прищурившись, я спрашиваю:

— Какая опасность может грозить моей семье, когда я здесь? Разве это место не должно быть самым безопасн...

— Я также понимаю, что ты вела довольно беззаботную жизнь, — продолжает Блэквуд, не обращая внимания на мой вопрос и неодобрительно глядя на меня. — Но время это исправит.

Я молчу, потому что пока не до конца понимаю, к чему она клонит, да и не уверена, что хочу это знать. Возможно, она права и я просто сбита с толку, а может, как раз из-за этого разговора я чувствую себя так, словно меня подвесили вверх ногами.

— Второе правило запрещает тебе покидать территорию школы, — продолжает Блэквуд. — Наше учебное заведение расположено в лесу, где полно ловушек. Выходить за ограду не только глупо, но и чрезвычайно опасно.

Я выпрямляюсь. Вот *это* как раз одно из преимуществ, благодаря которым папе удалось меня уговорить. Полоса препятствий, сложные головоломки, метание ножей. Если это жутковатое место сулит мне приключения в духе Робин Гуда, то я, наверное, смогу простить папе свой долгий переезд, а директорисе то, что меня, возможно, накачали наркотиками.

— Что за ловушки? Кому-нибудь удавалось когда-нибудь их обойти?

— Нет. Никогда. — Она говорит так, будто сто раз отвечала на этот вопрос и он изрядно ее утомил.

На мгновение мое внимание привлекает бордово-серебристый герб на стене у нее над головой, под которым написано на латыни: *Historia Est Magistra Vitae*. Не успеваю перевести фразу, потому что Блэквуд вновь начинает говорить:

— Правило третье: за причинение физического вреда другому ученику мы наказываем по принципу «око за око». Все тренировочные бои должны проводиться в классе под наблюдением преподавателя.

Мимолетная радость, охватившая меня при упоминании леса с ловушками, тут же исчезает, и я чувствую, как еще более хмурится мое лицо. Папа говорит, что моя поездка в эту школу — всего лишь мера предосторожности, что ему нужно несколько недель провести с тетей Джо, чтобы разобраться в ситуации, а он не может одновременно присматривать за нами обеими. Он просил довериться ему. Я решила, что он, как обычно, просто перестраховывается, проявляя излишнюю заботу. Но если опасность существует *здесь*, то все это как-то подозрительно. В животе у меня появляется неприятное чувство — не такое, которое накатывает сразу, а что-то вроде скрытой тревоги, которая крепнет в темноте в минуты одиночества.

Снова перевожу взгляд с занавешенных окон на охраняемую дверь.

— Разве это не само собой разумеется... что нельзя наносить людям физический ущерб?

— В последние годы здесь произошло необычайно много случаев с летальным исходом. Так что нет, не разумеется, — говорит она бесстрастным голосом, как будто сообщает мне о том, что по вторникам в столовой дают тако.

У меня вдруг пересыхает в горле.

— Случаев с *летальным исходом*? Что вы имеете в виду? Что здесь за занятия? От чего именно погибают люди?

Блэквуд смотрит на меня, как на потерявшегося щенка, которого она, однако, не намерена погладить и успокоить.

— Мы предлагаем не обычные занятия, как в других подготовительных школах, а гораздо больше. Академия развивает индивидуальные навыки и умения каждого ученика. Например, метание ножей сводится не только к меткости. Это умение практикуется в движении и под прессингом, то есть в стрессовых ситуациях. Навык обмана оттачивается до такой степени, что не только позволяет различать ложь окружающих, но и самим использовать ее так, что это становится второй натурой. Вместо традиционного изучения языков мы предлагаем обучение акцентам и факультатив по культурным нормам, что позволит тебе путешествовать по разным странам, не выдавая своего происхождения. Учиться в этой школе — *привилегия*, а не право. Здесь преподают лучшие учителя, а учеников мы лично отбираем по всему миру. В школе восемнадцать преподавателей, а ты, Ноябрьер, станешь нашей сотой ученицей. Ученики готовы бороться за каждое место в этой школе, и любому здесь это известно. — В ее голосе звучит предостережение, словно меня выгонят, если я оступлюсь. — Тебе придется пройти психологическое и физическое обследование, прежде чем мы подберем наиболее подходящие для тебя занятия. — Она откидывается на спинку кресла. Свечи в подсвечнике на столе отбрасывают тени на ее лицо.

«Академия Абскондити — это точно латынь. — У меня в голове роятся разные мысли. — *Абскондити* —